

Ключевые слова: деятельностный подход; инклюзия; пожилые люди; поздний возраст; самореализация; социальная активность; социальная роль; социальная эксклюзия; стереотипы старости; теория активности; теория разъединения.

Аннотация: Представлен анализ геронтосоциального осмысления старости и старения. Проблема эксклюзии пожилых людей из социума, представленная в статье, представляет особую актуальность вследствие постарения населения России, обусловленного динамикой рождаемости и продолжительности жизни. Вопросы позднего возраста остаются дискуссионными, так как в научном сообществе и общественном сознании не сформировалось единой оценки этого периода жизни человека. Образ старости исторически детерминирован и трансформируется под влиянием различных мировоззренческих установок. В античности и в средние века представления о старости являлись частью универсального научно-теологического знания о человеке. Отношение к заключительному жизненному этапу было двойственным, с одной стороны этот период можно воспринимать как полноценный период жизни, с другой – как деградацию. В XX веке социально-философское осмысление старости сопряжено с категорией «социальная эксклюзия». В западной социальной психологии актуальны сегодня теории разъединения и активности. Теория разъединения рассматривает процесс дистанцирования пожилых как социально и биологически обусловленный и неизбежный, лежащий в основе системы социального обновления. Обосновывается добровольность исключения из социального пространства, так как старение освобождает пожилого человека ото всех обязательств перед обществом. Авторы теории активности отстаивают необходимость сохранения социальной активности пожилых, так как потребности и ценностные ориентации старшего поколения схожи с социальными ориентациями людей среднего возраста.

Результаты исследования социального положения лиц пожилого возраста свидетельствуют о наличии ситуации исключенности старшего поколения, на основании чего появляется необходимость создания условий для поддержания социальной субъектности пожилого человека, активизации жизни в старости с целью повышения ее качества. Сделан вывод, что поздний возраст может стать периодом не только сохранения социальных ролей, но и освоения новых.

В рамках научного дискурса феномена старости и старения актуализируются проблемы инклюзии лиц пожилого и старческого возраста в социум. Вопросы позднего возраста остаются дискуссионными, так как в научном сообществе и общественном сознании не сформировалось единой оценки этого периода жизни человека. Образ старости исторически детерминирован и трансформируется под влиянием различных мировоззренческих установок.

Проблемы старения волновали ученых еще в древности. В античности и в средние века представления о старости являлись частью универсального научно-теологического знания о человеке. Аристотелю старость представлялась мрачным периодом, поскольку большая часть жизни уже прожита. Пожилой человек ориентирован на прошлое, на воспоминания. Цицерон в трактате «Катон старший по старости» писал: «Когда я думаю о старости, я вижу четыре причины, из-за которых мы по привычке считаем ее несчастным периодом нашей жизни: она отстраняет нас от активной жизни, ослабляет наши физические силы, лишает нас чувственных удовольствий и приближает смерть» [1, с. 95] Цицерон опровергает эти причины, утверждая, что старость – самый значимый для социума возрастной период жизни. Старость есть синоним мудрости, когда чувства перестают владеть человеком, накоплен огромный жизненный опыт [2; 10]. К старости человек, закаленный духом, становится внутренне сильнее и мужественнее молодого, так как сопротивляется возрасту и презирает смерть. Старость – это не только закономерная, но и необходимая возрастная мера, данная человеку для организации и упорядочения земных дел и, главным образом, для устройства общественного порядка, которое также выражает и меру космического порядка и космической вечности. Венец же старости – авторитет человека в обществе, более ценный, чем все наслаждения юности, но он высок лишь там, где общество нравственно в своей основе [3, с. 79]. Греческая философия отстаивает идею равноправия всех возрастных периодов жизни человека.

Отношение к заключительному жизненному этапу было двойственным, с одной стороны этот период

можно воспринимать как итог существования, с другой – как увядание, деградацию. М. Лютер, один из лидеров протестантизма, назвал старость живой могилой, что было в духе времени и разделялось его современниками. В. Альперович пишет: «На какой бы ступени иерархической лестницы не находился старик, высокой или низкой, его постоянно преследует мрачный грифон, вонзая когти в самую душу. Имя этому чудовищу – «Ненужность» [4, с. 49–50]. Несмотря на существование этих безрадостных аспектов, есть и другой образ – мудрость старцев. Образы «мудрого старца» и «мудрой пожилой женщины» весьма популярны. Зрелый человек как знаток окрестностей и обладатель многолетнего опыта был объектом уважения. Благодаря своим знаниям он был связующим звеном общества [5]. Люди позднего возраста являлись хранителями и трансляторами общественных традиций. П.А. Сорокин писал: «Каждое последующее поколение сковано нерасторжимой цепью с предыдущим. Оно может погибнуть, но разбить эту цепь бессильно. Оно может кое-что изменить в переходе к нему наследству предков, но не принять этого наследства, «отрясти его прах с ног своих» оно не в состоянии... В нас живут предыдущие поколения, они входят в наше «Я» [6, с. 176]. Человек к старости приобретает огромный комплекс знаний и умений, полнота его бытия достигает своеобразного предела, что способствует обогащению культуры.

Важным для понимания восприятия старости является лингвистический аспект проблемы. Анализируя смысловые вариации термина «старый», В.В. Колесов пишет о том, что старым человеком, в противоположность ветхому, считался старший в роду, тот, который в необходимый момент становился первым и был достоин славы своих пращуров [7, с. 89]. М.Э. Елютина приходит к выводу, что в древности само понятие «старый» наделялось значениями «сильный», «значительный», «независимый». Понятие «молодой» напротив характеризовалось такими категориями, как «слабый», «беззащитный», «зависимый» [8, с. 35]. Уважение, преклонение перед старостью лежало в основе социального устройства патриархального общества. Поздний возраст

имел ряд достоинств и гарантировал привилегированное социальное положение.

В XX веке социально-философское осмысление старости сопряжено с категорией «социальная эксклюзия». В западной социальной психологии актуальны сегодня теории разединения и активности. Теория разединения обоснована в работах Э. Камминга и У. Генри, отстаивающих тенденцию снижения интенсивности взаимодействия между стареющим индивидом и более молодыми поколениями. Процесс старения представляется как неизбежное взаимное отчуждение, снижение взаимодействия между пожилым человеком и обществом, ведущее по мере старения к полному дистанцированию. Разъединение трактуется исследователями как позитивно функциональное, позволяющее уменьшить энергию эго и приспособиться к смерти.

Исключение из социального пространства может быть инициировано и самим пожилым человеком, так как старение якобы «освобождает» пенсионера от всех обязательств перед обществом. Процесс дистанцирования социально и биологически обусловлен и неизбежен и лежит в основе системы социального обновления. Когда процесс завершается, равновесие, существовавшее в среднем возрасте между личностью и обществом, уступает новому виду равновесия, характеризующемуся большим дистанцированием и видоизменением характера отношений [9]. По мнению некоторых отечественных социологов, подобная трактовка места пожилых людей в социуме характерна для позиций эйджизма [10]. Термин был введен в научный оборот социологом Р. Ватлером и обозначает дискриминацию, осуществляемую одними возрастными группами по отношению к другим. Р. Ватлер предположил, что в наибольшей степени эйджизм затрагивает пожилых людей.

Альтернативой теории разединения служит теория активности, одним из основоположников которой принято считать Г. Маддокса. Но тезис о том, что деятельность есть способ бытия человека, был сформулирован еще в немецкой классической философии, а позднее трансформировался в научно-обоснованный вывод о том, что система социальной деятельности, основанная на исторически определенном способе материального производства, есть способ бытия общества. Карл Маркс написал, что подобно тому, как материальная деятельность есть мое практическое самоопределение и самоутверждение, так «деятельность моего всеобщего сознания как таковая является моим теоретическим бытием как общественного существа» [11, с. 590].

Человек как индивид существует лишь как общественный человек в составе социальных групп, общностей, классов, то есть в составе той социальной системы, которая складывается, вырастает как воплощение способа производства общественной жизни, системы социальных отношений, формирующихся на основе совокупной деятельности индивидов и ее объективированных результатов. Деятельность предстает как социально преемственная активность, адресующая себя другим людям и поколениям. Таким образом, в деятельности человек раскрывает свое особое место в мире и утверждает себя в нем как существо общественное, «как само общество производит человека, так и он производит общество» [11, с. 259].

По мнению сторонников теории активности, потребности и ценностные ориентации старшего поколения схожи с социальными ориентациями людей среднего возраста. Сужение социального пространства и снижение интенсивности межличностных взаимодействий происходит из-за депривации и отчуждения пожилых людей. Полноценное старение трактуется как сохранение социальной активности, консервации межличностных связей. Г. Маддокс обосновывает необходимость профессиональной или семейной самореализации ин-

дивида в позднем возрасте, делает акцент на активном участии пожилых людей в жизни в форме оплачиваемой или волонтерской работы [12]. Л.И. Анцыферова [13] в своей типологии старости описывает продуктивный тип стареющего человека как включенного в социум, планирующего и осваивающего новые деятельности, передающего накопленный опыт. И.С. Кон [14] связывает благополучный тип старения с активной вовлеченностью человека в общественную жизнь. В рамках отечественного социально-философского анализа старости формируется понимание человека как активно действующего субъекта на всех этапах жизненного цикла. Разрабатываются стратегии инклюзии лиц пожилого и старческого возраста в общество, основывающиеся на идее сохранения и развития социальной субъектности пожилых людей.

Отношение обывателей к старости также имеет двойственный характер. Различные социологические исследования, посвященные проблемам восприятия старости общественным сознанием, рисуют неоднозначную картину распределения мнений населения о пожилом возрасте, его преимуществах и недостатках, общественной значимости и социальной востребованности потенциала старшего поколения. Если до перехода к капиталистическому обществу отношение к старикам было в целом положительным, то теперь такие понятия, как опыт, авторитет и традиции потеряли свое прежнее значение. Вместе с этим начал снижаться социальный статус представителей старшего поколения, демонстрируя довольно редкий случай нисходящей групповой социальной мобильности [15].

В российском обществе помимо болезней и бедности поздний возраст ассоциируется с одиночеством, которое трактуется как неотъемлемая составляющая старости. Более того, старость мыслится как одиночество, отождествляется с ним. За утратой трудоспособности следует резкая смена социальных ролей, перемена образа жизни, проблемы с адаптацией к меняющемуся миру, в то время как готовность и способность принять эти изменения невелики. Пожилой человек оттесняется из ранее занимаемых высоких или средних позиций в социальной структуре общества и власти – это естественный процесс смены поколений в обществе. Но для каждого отдельно взятого пожилого человека это воспринимается как потеря социального статуса, нарастает тревожность, неудовлетворенность жизнью, снижается самоуважение. Исключение пожилых людей из большинства социальных сфер провоцирует изоляцию старшего поколения [16].

В общественном сознании образы «старости», «старика», «пожилого человека» носят амбивалентный характер, проявляющийся в рассогласованности представлений и требований со стороны различных социальных институтов. Социальная дистанция между пожилыми людьми и представителями других возрастных групп, которая может быть определена как степень близости или отчуждения, имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Наименьшая социальная дистанция по отношению к пожилым людям существует в семейно-бытовой сфере. Позиции близкого родственника или соседа, занимаемые пожилым человеком, воспринимаются, скорее, положительно. Увеличение социальной дистанции обуславливает рост пространственной дистанции, что способствует разобщению и дезинтеграции пожилых людей, ориентируя их на программу «доживания». Некоторые исследователи называют старость возрастом «плохой адаптации», которая происходит вследствие различных соматических и психических изменений личности, а также в связи с переменами в семейной жизни и социальном пространстве [17].

Наряду с объективными критериями статусной позиции пожилых людей общественное мнение также ока-

зывает влияние на социальное самочувствие представителей позднего возраста. Социальный статус пожилого человека в обществе динамичен. Его трансформация обуславливается социально-экономическими модификациями общественной структуры. Особенно активно на нее влияют процессы модернизации, изменение социальной структуры и социальных отношений в обществе; трансформация социальных сетей (окружения) и смена мотивации активности при переходе от профессиональной к досугово-рекреативной деятельности [18]. Если пожилой человек принимает новый статус, то есть осознает и принимает принадлежность к новой группе, с характерными для этой возрастной когорты нормами взаимодействия, моралью, духовными ценностями, то ему удастся избежать состояния депривации и адаптироваться к новым условиям. Принятие на каждом этапе жизненного пути новых и оставление старых ролей, равно как и адаптация к изменению их содержания и соотношения, требует от индивида соответствующей подготовки, социализации. Подготовка к выходу на пенсию – столь же необходимый элемент социализации в старости, как профессиональная ориентация в юности. [19, с. 38].

Результаты исследования социального положения лиц пожилого возраста свидетельствуют о наличии ситуации исключенности старшего поколения: неразвитость и закрытость рынка труда, отсутствие институтов ресоциализации, дороговизна системы здравоохранения, несистематичность форм помощи или незначительность оказываемой поддержки. Данная ситуация усугубляется личными принципами и качествами пожилых лиц. Соответственно, в совокупности это приводит к социальной эксклюзии пожилого населения [20].

В связи с вышеобозначенными тенденциями существует объективная необходимость решения проблем ресоциализации, социальной адаптации пожилых россиян. Под социальной адаптацией понимается то, как старые люди, получившие новые качества в силу возраста, приспосабливаются к обществу, и как общество приспосабливает старых людей к себе [21]. Критерием адаптации является способность индивида удовлетворять свои социальные потребности в различных сферах жизнедеятельности: поддержание и развитие личности как целого, ее физического и эмоционального благополучия, культурно-образовательного уровня, мировоззрения и идеалов; материальное потребление, поддержание приемлемого уровня обеспеченности материальными благами, досуг, рассматриваемый как простое потребление свободного времени и как предметная реализация своих способностей, творческая деятельность, самореализация; поддержание межличностных и общественных связей, принадлежности к различным социальным группам, получение признания своей значимости, уважения окружающих, сохранение социального статуса.

Поздний возраст может и должен быть плодотворным периодом жизни, для чего необходимо помочь пожилым людям преодолеть негативные стереотипы старости [22]. Ресоциализация в позднем возрасте анализируется нами в рамках личностно-ролевого подхода, в котором адаптация пожилых людей к новым социальным условиям заключается во вхождении в круг ролей, соответствующих статусу пенсионера. Конкретный вид социальной активности будет определяться личностными особенностями, жизненным опытом индивида, а также внешними условиями деятельности.

Главная роль по ресоциализации старшего поколения сегодня отводится государству в лице социальных служб, а пожилой человек воспринимается как объект социально-психологической и медицинской поддержки. Необходимо создавать условия для поддержания социальной субъектности пожилого человека, активизации жизни в старости с целью повышения ее качества.

Основными сферами активности в старости становятся семейно-бытовая и досуговая, свидетельствующие о сохранении пожилыми людьми социально значимых ролей. Изменение статусно-ролевого набора приводит к новому восприятию себя, происходит внутренняя переоценка ценностей. Рождается новое понимание жизни, себя и оценки других. Таким образом, поздний возраст может стать периодом не только сохранения социальных ролей, но и освоения новых. Подтверждение авторской позиции находим и у других отечественных исследователей, считающих, что обществу необходимо не «сюсюкать» и «нянчиться» с пожилыми, а помочь преодолеть существующие устойчивые стереотипы как у стариков о себе, так и у нестарых людей о стариках; создавать условия для реализации потенциала на основе накопленного опыта и пришедшей с годами мудрости; предоставить возможность для активной творческой старости, что повысит самооценку и самочувствие у ее носителей [23].

Необходимо также осознавать, что без гуманизации общей культуры отношения общества к старшему поколению социальная инклюзия стариков невозможна. Обществу необходимо привыкнуть не только к феномену старения, но и к пониманию старости как благодатного периода. Современному обществу нужно научиться воспринимать старость как логическую кульминацию продолжительной и полноценной жизни, прийти к пониманию того, что эта часть жизни не менее привлекательна, чем предшествующие ей годы [24].

Анализ проблем социальной инклюзии лиц пожилого и старческого возраста показал, что основными критериями исключения являются возрастной признак и явление эйджизма. При разработке стратегий включения пожилых в социум необходимо учитывать весь спектр критериев вытеснения стариков из социального пространства: одиночество, депривация, дискриминация, негативные стереотипы старости, разрушение коммуникативных связей и сужение социального пространства, утрата профессиональной активности и проблемы самореализации. Ответственность за возвращение пожилого человека в социум лежит не только на обществе, но и на самом индивиде. Самореализация в старости подразумевает максимальное использование накопленного опыта и знаний. Самовыражение в позднем возрасте может осуществляться в разных сферах: семейной, творческой, профессиональной и др. Задача общества и государства – сохранить коммуникативное поле пожилого человека для самореализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Старость: популярный справочник / под ред. Л.И. Петровской. М.: Большая российская энциклопедия, 1996. 352 с.
2. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. 247 с.
3. Рыбакова Н.А. Феномен старости. М.: Псковский областной институт повышения квалификации работников образования, 2000. 169 с.
4. Альперович В.Д. Геронтология – старость: социокультурные аспекты. М.: ПРИОР, 1998. 576 с.
5. Крживицкий Л. Антропология и психические расы. М.: Белые львы, 2015. 384 с.
6. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии: статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
7. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 312 с.
8. Елютина М.Э. Мир старости как форма социокультурного текста : дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 1999. 251 с.
9. Азарина М.С. Социальная эксклюзия пожилых людей в условиях постсоветской модернизации // Социосфера. 2012. № 1. С. 75–76.
10. Старикова М.М. Стереотипы старости и старения

- // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 43–50.
11. Марке К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1954. 745 с.
12. Maddox G.L. Psycho social perspective so faging // The aging dimension. England, 1987. P. 38.
13. Анцыферова Л.И. Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 3. С. 86–99.
14. Кон И.С. Социологическая психология. Избранные психологические труды. М.: Воронеж, 1999. 560 с.
15. Смирнова Т.В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1–1. С. 70–78.
16. Кутявина Е.Е. Социальное исключение пожилых людей // Старшее поколение в современной семье / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009. С. 311–313.
17. Краснова О.В. Порождение заблуждений: пожилые люди и старость // Отечественные записки. 2005. № 3 (23). URL: old.strana-oz.ru.
18. Мосина О.А. Трансформация социального статуса пожилого человека в исторической ретроспективе // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 175–183.
19. Кон И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984. 336 с.
20. Неваева Д.А. Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого возраста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). С. 141–146.
21. Александрова М.Д. Старение: социально-психологический аспект // Психология старости и старения: хрестоматия. М.: Академия, 2003. 416 с.
22. Ванюхина Н.В. Мотивы учения студентов «Университета третьего возраста» // Карельский научный журнал. 2014. № 1. С. 48–51.
23. Карсаевская Т.В. Коллизии старости в условиях глобализации // Философия старости: геронтософия: сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. Вып. 24. С. 64–66.
24. Дьяченко Л.И. Значение философского дискурса старости // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12 (43). С. 13–15.

THE PROBLEMS OF SOCIAL INCLUSION OF ELDERLY AND SENILE PERSONS

© 2015

N.A. Bukhalova, PhD (Sociology), assistant professor of Chair “Humanities”
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino (Russia)

Keywords: activity approach; inclusion; elderly persons; late age; self-fulfillment; social activity; social role; social exclusion; old age stereotypes; theory of activity; theory of separation.

Abstract: The paper gives the analysis of geronto-social understanding of senility and aging. The problem of elderly persons exclusion from the society considered in the paper is particularly topical due to the Russian population greying caused by the fertility dynamics and expectancy of life. The issues of late age are polemic as the academic circles and the public consciousness did not create any uniform assessment of this period of human life. The senility image is historically determined and being transformed under the influence of various world paradigms. In the ancient world and in the medieval period, the ideas of senility were parts of encyclopedic scientific and theological knowledge about a person. The attitude to the final vital stage was dual, on the one hand this period can be perceived as the full-fledged period of life, on the other hand – as degradation. In the XX century, the social and philosophical understanding of senility is connected with the category of “social exclusion”. In the western social psychology, the theory of separation and theory of activity are topical today. The theory of separation considers the aloofness of elderly persons as the socially and biologically associated and inevitable process underlying in the system of social updating. The author proves the voluntary basis of the exclusion from the social space as the aging releases an elderly person from all obligations to the society. The authors of the theory of activity defend the necessity to retain social activity of elderly persons as the needs and the system of values of the older generation are similar to social orientations of middle age people. The results of the study of social status of elderly persons prove the existence of the older generation exclusion, on the basis of which the necessity of creating conditions for maintenance of social subjectivity of an elderly person, the activation of life in senility for the purpose of its quality increase. The author made the conclusion that the late age can become the period of social roles retaining, and also of the development of new ones.